

Но против этого ванъе — не то что пытаться отнять что-то, он даже притеснять его не смел.

После перерождения он преисполнился чувства собственного превосходства. Он знал слишком много такого, о чем люди этой эпохи не имели ни малейшего понятия, и в его глазах эта эпоха казалась донельзя отсталой. Он мог использовать свои знания для извлечения выгоды и поднятия собственного статуса. Поначалу всё действительно шло так, как он и задумывал, и всё складывалось гладко. Но с появлением Чайной «Юфан» всё начало выходить из-под контроля.

Кто бы ни заводил речь о цзяннаньских торговцах, первым на ум всегда приходил Отшельник Юфан — Гу Хаоянь. Восхваляя чайную, люди заодно рассыпались в похвалах его утонченности, свойственной истинному ученому мужу. По сути своей он оставался обычным купцом, но ему упорно приписывали благородный кодекс чести. Порой в разговорах всплывало и имя Гу Хаоцина — пусть его тоже можно было назвать успешным человеком, но достаивался он лишь двух слов: «пошлая бездарность». Гу Хаоцин вечно чувствовал, что так быть не должно, но не мог найти причину.

А теперь он своими руками угодил в ловушку и только что прислужил тому самому человеку, которого ненавидел больше всего на свете. Он чуть не задохлся от ярости.

— Все эти блюда весьма неплохи, — слегка улыбнувшись, Цзи Фань бросил на Янь Сяньфэя одобрителный взгляд. С огромным удовольствием подлив масла в огонь, он перечислил едва ли не большую часть поданных на стол яств. Конечно же, для угощения ванъе Гу Хаоцин отобрал в ресторане всё самое лучшее.

— Гу Хаоцин, тогда записывай рецепты и делай это поживее, — глядя на застывшего рядом Гу Хаоцина, потребовал Янь Сяньфэй так, будто это само собой разумелось.

— Народный избранник... то есть, этот простолюдин понял! — Гу Хаоцин судорожно сжал пальцы, и резкая боль немного привела его в чувство. На его лице даже появилась вежливая, но не раболепная улыбка. Выглядел он изнеженно и непринужденно, и только он сам знал, что его сердце обливается кровью!

Янь Сяньфэй махнул рукой:

— Линь Чжун!

— Ванъе! — один из стражников немедленно шагнул вперед.

— Останешься в этом ресторане. Как только Гу Хаоцин запишет рецепты, немедленно доставь их во дворцовую кухню, пусть императорские повара примутся за дело без промедления.

— Есть! — стража вернулась на прежнее место. Его задача была предельно ясна — надзирать

за тем, как Гу Хаоцин будет записывать рецепты. Если тот вздумает упрямитесь, ради выполнения приказа стражник вполне мог прибегнуть к некоторым необходимым и особым методам.

— Хаоян, ты тоже не сиди без дела в ближайшее время. Я ведь уже давно с нетерпением жду, когда ты выберешь место для новой чайной «Юфан» и порадуешь меня фирменными блюдами, — обращаясь к Гу Хаояню, Янь Сяньфэй умышленно не стал использовать официальное местоимение для самовыражения.

— Да неужто в столице найдется хоть одно фирменное блюдо, которого не доводилось отведывать тебе, ванье Сянь? — поддразнил его Цзи Фань, в словах которого отчетливо слышалась их давняя близость.

— Конечно найдутся! Я верю в тебя, только не разочаруй меня! — Янь Сяньфэй ни капли не сердился.

— Что ж, тогда жди с нетерпением, я всё устрою в лучшем виде! — Цзи Фань кивнул, явно польщенный доверием Янь Сяньфэя.

— Аньян. Раз уж больше ничего не осталось, отправляйся со мной во дворец! — бросив взгляд на Янь Тан, Янь Сяньфэй заметно смягчил тон, хотя в нем прорезалось и немало властности.

— Но... Августейший дядя, Хаоян — поистине талантливый человек! Взгляните на его сборник стихов, вы непременно будете поражены! — Янь Тан торопливо протянула заготовленный заранее сборник.

— Коль есть талант, но нет стремления служить во благо государства, значит, талант этот без совести, и великих дел человек не сотворит. Пошли! — Янь Сяньфэй даже достаивать книгу взглядом не пожелал: этот сборник уже всю расхваливали по всему Цзяннаню, и он был с ним прекрасно знаком.

— ... — Янь Тан ничего не оставалось, как с кислым видом поплестись следом.

Руки Гу Хаоцина то сжимались в кулаки, то разжимались, пока он наконец не совладал со своим гневом. Сделав шаг вперед, он преградил путь Гу Хаояню:

— Старший брат, у тебя ведь еще нет постоянного пристанища в столице, не остановиться ли тебе на постой на постоялом дворе?!

Он хотел задержать Гу Хаояня, чтобы действовать потом постепенно. Быть может, план матери оказался бы весьма кстати. К тому же тело Гу Хаояня было таким слабым...

— Незачем, в моем поместье ванье места предостаточно! — не давая Гу Хаояню и рта открыть,

оборвал его Янь Сяньфэй. Схватив Гу Хаояня за руку, он решительно потащил его к выходу. С чего бы это вдруг Гу Хаоцину желать Хаояню чего-то хорошего!

— ... — Проводив их до выхода из ресторана, Гу Хаоцин вернулся в отдельный кабинет и в бешенстве перевернул весь стол с ядром угощения, а на его лице застыло жуткое выражение.

Янь Сяньфэй намеревался сразу же привезти Гу Хаояня во дворец и представить императору. Однако Гу Хаоян ответил на этот жест отказом. В этом не было ничего удивительного: император почитал Янь Сяньфэя как приемного отца, а сам Янь Сяньфэй возвращался из дальних поездок лишь раз в полгода, так что им обоим определенно было о чем поговорить. Гу Хаоян же пока еще считал себя посторонним человеком и, разумеется, на это не согласился.

Человек, столько лет управлявший целой страной, Янь Сяньфэй прекрасно понимал подобные вещи. Он велел нескольким личным телохранителям сопровождать Гу Хаояня в поместье ванье, а сам напрямик направился во дворец, даже не заехав домой переодеться. Разумеется, делалось это ради того, чтобы подчеркнуть свое уважение к императору — та связь, что установилась между ними, была результатом их обоюдных усилий.

Гу Хаояню отвели тихий и уединенный дворик на территории поместья ванье.

Цзи Фань сидел в одних нижних одеждах, накинув верхнее халатное платье на плечи, его пальцы быстро перебирали какие-то бумаги. За последние полгода он добился поразительных результатов: не говоря уже о гремевшей на всю округу чайной «Юфан», число преданных ему людей неуклонно росло.

Помимо персонала, обеспечивавшего бесперебойную работу чайной, он тайком вырастил собственную сеть помощников. Одни занимались исследованием рыночных тенденций, а меньшая часть внедрялась в старые торговые дома конкурентов. В реалиях этого мира — проще говоря, проникала в структуры семьи Гу. Лишь зная и себя, и врага, можно побеждать в каждой битве.

Сейчас он изучал отчеты о развитии бизнеса семьи Гу за последнее время, включая досье на женщин, постоянно сменявших друг друга вокруг Гу Хаоцина. О некоторых из них он знал давно: девицы, влюблявшиеся в Гу Хаоцина, обычно выкладывались ради него без остатка. Никакие семейные интересы или родственные узы не могли сравниться с любовью. Лишившись такого покровителя, как Янь Сяньфэй, в последнее время Гу Хаоцину приходилось туго. Стоило ему покинуть Цзяннань, как дела затрещали по швам.

Далеко не каждый местный чиновник горел желанием давать дорогу чужакам-купцам на подведомственной территории. В каждом городе имелись свои старожилы-торговцы, так или иначе связанные узами дружбы с местными властями. Пользуясь этим, пусть великих дел они провернуть не могли, но прижать новичка им ничего не стоило. Сильный дракон не одолеет местную змею, что уж говорить о Гу Хаоцине, которого до дракона было еще далеко. Если и тянуть за уши подобные сравнения, он пока что оставался всего лишь водяным ящером.

Зато Гу Хаоцин пользовался бешеной популярностью у женщин: стоило ему угодить в передрыгу, как находилась очередная дамочка, готовая силой своего клана вытащить его из беды. Благодаря этому его дела в других городах кое-как шли в гору. И всё же расхождения с оригинальным сюжетом были налицо.

В оригинале путь Гу Хаоцина был устлан розами: стоило ему открыть ресторан, лавку тканей или веселый дом, как заведение в кратчайшие сроки обретало стабильность и гремело на всю округу. Теперь же гладко шло разве что развитие ресторанов, тогда как торговля тканями, пудрой и румянами не ладилась.

Новые фасоны одежды из его лавок не успевали пробыть на прилавке и нескольких дней, как их бессовестно копировали конкуренты. Все шили примерно одно и то же, а консервативные покупатели по старой памяти предпочитали отовариваться в привычных лавках.

Способ изготовления духов и мыла вообще был нагло слит в сеть — в эпоху, когда о защите авторских прав еще не слышали, стоило секрету утечь наружу, как наживаться на нем начинали все подряд. Во всем этом определенно был замешан и Цзи Фань: позиционируя свою чайную как заведение для утонченной публики, он не собирался собственными руками портить репутацию. Раз уж ему самому это было ни к чему, а позволить противнику наживаться на новинках он не хотел, проще всего было вывалить всё в открытый доступ.

Что же до веселых домов, то их открытие вообще было делом сложнейшим. Подобные заведения всегда отличались пестрым контингентом и были главными рассадниками слухов, а контролировали их лица, имевшие в городах солидный вес. Без поддержки местных властей в большинстве городов приходилось сворачивать удочки. Построить что-то подобное удавалось лишь в считанных местах, где у его новых пассий имелся серьезный административный ресурс.

Вот и пришлось Гу Хаоцину сместить фокус внимания исключительно на ресторанный бизнес. Прибыв в столицу, он и вовсе забросил остальные направления, целиком сосредоточившись на еде. Свою роль, конечно, сыграла и Янь Тан. Будучи императорской принцессой, даже влюбившись, она оставалась куда более властной, чем прочие женщины. Она отнимала у Гу Хаоцина столько времени, что у него попросту не оставалось сил на развитие прочих отраслей.

Цзи Фань чуть изогнул губы в улыбке: судя по всему, сегодняшний удар выбил почву из-под ног Гу Хаоцина сильнее, чем он рассчитывал.

— О чем задумался, да так глубоко? — Янь Сяньфэй толкнул дверь и, заметив сидевшего за столом в одном нижнем белье Цзи Фаня, поспешно затворил ее за собой. В его глазах хрупкая фигура юноши казалась еще более точеной. Эта утонченность вызвала непреодолимое желание прижать его к груди и больше никогда не отпускать. Особенно сейчас, когда уголки его губ трогала легкая улыбка, а в необыкновенно мягких глазах плясали лукавые искорки. Яркие черные зрачки сияли ярче любых драгоценных камней, сводя с ума и искушая на грех.

Стараясь не выдавать своего волнения, Янь Сяньфэй отвел взгляд и заговорил. Его нарочито приглушенный голос казался до неприличия интимным в тишине ночи. Видя неподдельную

радость на лице Цзи Фаня, он невольно поддался порыву разделить с ним эти эмоции. И в горе, и в радости он был готов делить с ним любые чувства.

— Не то чтобы я задумался, просто это ты ходишь бесшумно, как призрак! — Цзи Фань поднял голову на вошедшего и небрежно бросил документы на стол. — Поглядывал тут материалы по делам семьи Гу. Дела у Гу Хаоцина идут не так уж гладко, а раз он страдает, я, естественно, радуюсь. Янь Сянфэй вовсе не стал церемониться, взял бумаги и принялся их листать. О большей части описанных там вещей он уже догадывался. В том, что Чайная «Юфан» смогла развиваться, была и его заслуга. Местные чиновники ни за что не позволили бы внезапно появиться какому-то чужаку-купцу. Если бы не Янь Сянфэй, Чайную «Юфан» наверняка задавили бы еще в самом начале, и никакого будущего у нее не было бы.

Все это Цзи Фань, разумеется, тоже учитывал. На самом деле, он выбрал тот маленький городок для старта не просто так. Характер местного чиновника был отлично известен ему по сюжетным материалам. Без сомнения, этот чиновник был пушечным мясом, которое случайно оскорбило Гу Хаоцина. Раз уж он был пешкой на убой, Гу Хаоцин, естественно, собирался уничтожить его, используя собственные связи и влияние, чтобы лишний раз продемонстрировать свое очарование перед красавицами. За эту возможность Цзи Фань, конечно же, ухватился мертвой хваткой.

Ему вовсе не нужно было гарантировать, что тот чиновник не падет — Цзи Фаню требовалось лишь время. Когда Чайная «Юфан» встала на ноги, даже чиновники уже не могли пойти против воли толпы. И даже если бы за спиной Цзи Фаня не стоял Янь Сянфэй, куда бы он ни отправился открывать чайную, везде его встретили бы с распростертыми объятиями. Сила ученых огромна, и их перья порой бывают куда опаснее любых копий и мечей!

— Ты мог бы радоваться и сильнее! — Янь Сянфэй поднес бумаги к пламени свечи, и те мгновенно обратились в пепел. Цзи Фань всегда поступал так: едва прочитав, уничтожал все улики. Некоторые вещи достаточно держать в голове, оставлять противнику компромат на себя ни к чему.

— И чем же ты можешь меня порадовать? — Цзи Фань приподнял бровь, встречаясь с Янь Сянфэем взглядом.

В глазах Янь Сянфэя мелькнула искра, он ничего не ответил, но его пальцы сами собой коснулись чужого уголка глаза. Подушечки случайно задели чуть более длинные, чем у других мужчин, ресницы, и легкое, щекотное оцепенение вывело его из задумчивости. Однако убирать руку с чужого лица он вовсе не спешил. Скользя пальцами от уголка глаза вниз, он отметил, что кожа юношеского лица нежнее, чем у некоторых девушек. От такой кожи просто не хотелось отрывать рук. Цзи Фань считал подобные движения слишком интимными для близких друзей, но, вспомнив то, что произошло днем в карете, решил, что просто накручивает себя. В эту древнюю эпоху делить одно ложе с другом считалось совершенно нормальным. Неужели Янь Сянфэй сейчас пытался взять реванш за дневное поражение? В оригинальном романе этот человек отличался невероятно гордым и состязательным нравом!

Цзи Фань одной рукой перехватил запястье Янь Сянфэя и сделал шаг вперед. Он был немного

ниже ростом, чем Янь Сянфэй, и, глядя на него, был вынужден слегка задирать подбородок, отчего чувствовал себя крайне раздраженным. Недолго думая, Цзи Фань снова шагнул вперед, и Янь Сянфэй, потакая ему, отступил назад, пока не опустился на стул. Тогда Цзи Фань, подражая только что виденному жесту, провел пальцем по щеке Янь Сянфэя и наконец прямо подцепил его за подбородок. — Дешево со мной обойтись не получится!

Янь Сянфэй бросил на него взгляд и тихо усмехнулся. Если бы он сам не позволял этого намеренно, разве смог бы хрупкий и слабый Гу Хаоянь хоть в малейшей степени пошатнуть его? Просто он безумно любил этот гордый вид, озарявший лицо собеседника, и был искренне рад потакать ему.

Однако тот, кому Янь Сянфэй так охотно потакал — молодой господин Цзи Фань, — глядя на довольное выражение его лица, слегка прищурил глаза. В мире, где процветала внутренняя энергия, его хрупкое тело ученого действительно не оставляло ему никаких шансов справиться с Янь Сянфэем. Он и впрямь поступал так исключительно потому, что пользовался чужим попустительством, постоянно проверяя чужие границы дозволенного. И чем сильнее он их испытывал, тем сильнее изумлялся. Ему казалось, что терпение Янь Сянфэя по отношению к нему не имеет абсолютно никаких разумных пределов.

— Насмехался? — видя, что Янь Сянфэй никак не может остановиться, Цзи Фань слегка рассердился, и на его щеках проступил легкий румянец.

— Кхе-кхе... — Янь Сянфэй прикрыл рот кулаком, пару раз легко кашлянул и принял предельно серьезный вид, едва ли не изобразив выражение лица, с которым ходил на утренние доклады ко двору. Если бы не веселые искорки в глазах, ни за что не догадался бы, что он только что вовсю хохотал. — Я хотел сообщить тебе, что Аньян посадили под домашний арест. Разве это не делает тебя еще счастливее?

— Принцессу Аньян посадили под домашний арест?

— Угу! — и гадать не приходилось, что здесь не обошлось без закулисных усилий Янь Сянфэя. Он знал, как сильно Гу Хаоянь ненавидит Гу Хаоцина, так что это была прекрасная возможность заработать очков расположения!

— Неплохо! — Цзи Фань кивнул, признавая, что новость и впрямь хорошая. Он поднял взгляд на человека, у которого, казалось, на лице было написано требование похвалы, и с предельной учтивостью произнес: — Ванье, прошу вас вернуться к себе, мне нужно отдохнуть.

— Отдохнуть? Главная спальня отсюда далеко, так почему бы нам сегодня не лечь вдвоем на одно ложе? — в голосе Янь Сянфэя звучал вопрос, но сам он при этом изящным и непринужденным движением принялся распускать пояса собственной одежды. Ванье Сянь, если бы стражники это услышали, они бы заплакали! Вы же сами специально распорядились насчет этого двора, а от главной спальни его отделяет всего-то одна стена, не так ли?

Цзи Фань потерял дар речи. Спать вдвоем в одной постели — что это вообще такое? Ему не

следовало и думать о том, чтобы разделить ложе с близким другом, раз уж это так быстро стало реальностью. Сам он, великий молодой господин Цзи, никогда подобного не испытывал даже в самых суровых лагерях для тренировок!

Тем не менее он послушно лег рядом с Янь Сяньфэем и заснул. Это тело и впрямь было довольно хрупким, у него не было запаса прочности, чтобы так бездумно его растрачивать.

На первом этаже Ресторана семьи Гу появились оборванные отец с дочерью, которые хотели войти внутрь. Мало того, что их одежда выглядела отвратительно, от них исходил кислый запах забродившей еды, от которого у любого пропал бы аппетит.

Гу Хаоцин, разумеется, не собирался позволять таким людям переступить порог ресторана и небрежно велел рассыльному выгнать их. Хотя слуги у него не были мастерами боевых искусств, силенки у них имелись. Один из этих двоих был стариком, а другая — истощенной до костей девчонкой, так что выставить их за дверь было проще простого.

Конечно, чтобы продемонстрировать свою праведность, Гу Хаоцин собирался велеть слуге дать им два паровых пампушки и одну медную монету. Наблюдая воочию, как этих двоих вот-вот вытолкают за дверь, Гу Хаоцин стоял на лестничной площадке, и в его глазах невольно промелькнула насмешка. Неужели они всерьез думали, что его Ресторан семьи Гу — обитель святых, раз посмели зайти сюда побираться? Ни в одном приличном ресторане не было принято пускать внутрь нищих. Он искренне считал, что поступил максимально благородно и справедливо.

Кто же знал, что те двое заявят, будто они бродячие артисты, а вовсе не просители милостыни. Получив еду и деньги, они вознамерились войти в ресторан, заявив, что хотят исполнить песню для здешних гостей! И еще бросили что-то вроде: Благородный муж не ест подачек! Какой там благородный муж, откуда у благородного мужа такая внешность?

Гу Хаоцин не стал слушать этот бред и попытался выставить их вон. Но тут с второго этажа спустился некий простофиля, явно намеревавшийся уйти. Он бросил такую фразу: Раз уж у этого старика есть внутренний стержень, почему бы не позволить им спеть здесь? заодно и мы поглазеем.

Гу Хаоцин хотел было возразить, но, разглядев лицо этого человека, умолк. Он знал его — это был Ван Ан. Хотя сам по себе тот не блистал талантами, его отец являлся чиновником первого ранга при дворе. Он слыл главным повесой этой столицы. Хотя человек он был несерьезный, до серьезных проступков не опускался. Любя женское общество, он хаживал в бордели, но никогда не принуждал женщин к силе и не отнимал чужое — напротив, завидев несправедливость, мог и заступиться. Можно сказать, что, хотя репутация у него была сомнительная, в столице каждый считал своим долгом выказать ему хоть капельку уважения.

Гу Хаоцин смотрел, как те отец с дочерью проходят в зал и принимаются готовиться к выступлению. Девушка, чье лицо напоминало череп, бросила на него болезненно-сладкий взгляд, от которого его чуть не вывернуло от утренней еды. Затем старик извлек из кармана

древесный лист и извлек из него несколько звуков. Услышав такую мелодию, Гу Хаоцин вдруг почувствовал недоброе предчувствие. И действительно, все оправдалось. С виду хрупкая девица запела с невероятным жаром. Когда песня достигла кульминации, слушать это стало совершенно невозможно: Люблю тебя, люблю, люблю тебя до конца...

Эту песню он сам когда-то передал в один из борделей Цзяннани, где она гармонично сочеталась с нужной атмосферой вседозволенности. И пусть она казалась чересчур современной, некоторые все же оценили ее по достоинству. Однако здесь, в стенах уважаемого ресторана... Ха-ха... Это выглядело столь же удручающе, как если бы в элегантной современной кофейне врубили рок-музыку.

Стоило этой девице затянуть песню, как многие посетители, даже не притронувшись к еде на столах, тут же потребовали счет и поспешили удалиться. Заполненный до отказа зал мгновенно опустел. Ван Ан, до этого лениво прислонившийся к перилам лестницы и наслаждавшийся музыкой, теперь с изрядным изяществом, помахивая веером, спустился вниз и со сложенными в приветствии руками попрощался с Гу Хаоцином.

Гу Хаоцин скривил одеревеневшее лицо, но так и не смог выдавить из себя улыбку, провожая взглядом уходящего Ван Ана. Убедившись, что в зале больше не осталось ни единого гостя, он вновь приказал слугам выпроводить парочку, причем на этот раз был готов даже сам взяться за дело. Впрочем, дорожа своей репутацией, он не решался применять грубую силу. Пришлось раскошелиться на пять лямов серебра, чтобы наконец спровадить их. На эти пять лямов они могли беззаботно жить еще долгое время, так что парочка осталась крайне довольна.

В последнее время дела у Гу Хаоцина шли хуже некуда, он испытывал куда большее раздражение, чем в первые дни по прибытии в столицу. Стоило ли появляться в этой столице, если он уже почти раздал рецепты всех блюд своего ресторана? Да и этот инцидент происходил далеко не впервые. После того как принцессу Аньян посадили под домашний арест, здешние вельможи перестали вообще считаться с ним, и мелкие происшествия сыпались одно за другим.

Только за последние несколько дней высокопоставленные чиновники устраивали потасовки в ресторане уже не раз. И он не смел даже заикнуться о том, чтобы потребовать с них возмещения ущерба за разбитые столы и стулья.

<http://bllate.org/book/21685/2236749>